

was already divided between Christianity and «those barbarians who hate it and want to destroy it.» The problem is not minor, and the whole idea of de-colonial cosmopolitanism is at stake.

NOTES

1. Holland had a flourishing commercial interregnum in the seventeenth century, but Dutch is not one of the top 10 languages with the larger number of speakers. Portuguese is in seventh place, above Italian and French, and below Arabic and Bengali.
2. Crimes that have been covered in velvet and shoveled out of the main stream, by the beautifully written and well advertised essay *Cosmopolitanism. Ethics in a World of Strangers*, by Kwame Anthony Appiah [1].

REFERENCES

1. Appiah, K.A. *Cosmopolitanism. Ethics in a World of Strangers*. New York, 2006.
2. de Ayala, F.G.P. *Nueva Corornica y Buen Gobierno* [1617] // J.V. Murra & R.Adorno (Eds.). Mexico, 1985.
3. de Vitoria, F. [1532]. *Relectio de Indis*. Madrid, 1989.
4. Kant, I. *Anthropology from a Pragmatic Point of View* (Victor Lyle Dowdell, Trans.). Carbondale, 1996.
5. Mignolo, W.D. The many faces of cosmo-polis: Border thinking and critical cosmopolitanism // *Public Culture*, 12(3), 2000, pp. 721–748.
6. Toulmin, S. *Cosmopolis. The Hidden Agenda of Modernity*. New York, 1990.

А.А. ПЕЛИПЕНКО

ИМПЛИКАТИВНЫЙ МИР И КУЛЬТУРА. ЧАСТЬ 3. ПРИРОДА ИМПЛИКАТИВНОГО МИРА

Цель цикла статей — обозначить смыслогенетическую трактовку системного понимания макропроцессов культуры в контексте ее сопряжения с миром, трансцендентным человеческому опыту. Предлагается парадигма не религиозной и не мистической интерпретации комплекса представлений об «ином» мире, а также концепция психосферы и медиативной сущности культуры. Третья статья посвящена анализу структуры природы мира, характеру его связи с миром эмпирическим и краткому обзору терминов, с помощью которых описывается феномен психосферы.

The aim of the series of articles is to define the sensogenetic interpretation of the systemic understanding of macro-processes of culture in the context of its conjugation with the world, as transcendent to human experience. The proposed paradigm is neither religious nor mystical in its interpretation of the representations of the “other” world. The third article is devoted to the analysis of the structure of implicate world, the nature of its links with the empirical world and a brief review of the terms used to describe the phenomenon of psychosphere.

Ключевые слова: психосфера, имплицативный мир, медиация, интенциональность, когерентность, каузальность.

Keywords: psychosphere, implicate world, mediation, intentionality, coherence, causality.

Пелипенко Андрей Анатольевич — доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора теории социокультурных процессов и систем Российского института культурологии (Москва). Наш постоянный автор. E-mail: demoped@yandex.ru.

Структура импликативного мира

Говоря о психосфере и ее проявлениях, с неизбежностью приходится высказывать соображения о природе и сущности импликативного мира. Разрозненными суждениями, полупроясненными из контекста их употребления, здесь не обойтись. И, хотя попытка увидеть невидимое и описать неопишуемое непременно вызовет критическую усмешку, общий эскиз картины импликативного мира все же необходим.

В книге «Wholeness and the Implicate Order» («Целостность и скрытый порядок»), не переведенной пока на русский язык, Д. Бом объясняет свое понимание импликативного порядка. В главе «Эксперимент с языком и мышлением» он называет скрытый или свернутый порядок голодвижением, акцентируя его динамическую и голографическую природу. Динамическая голограмма, по Бому, рождается из интерференций волновых функций (или самих волн?) квантовых объектов, имеющих пространственное измерение (?). Явный же или развернутый порядок эмпирического мира Бом сравнивает с объемным голографическим изображением, возникающим при освещении физической голограммы когерентным светом (например, лазером). При этом источник этого всепроникающего «метафизического» света остается непроясненным. Навязчиво-незатейливое мистико-идеалистическое «объяснение» природы этого света через полулирическое «творческое сознание человека» внятно не акцентировано. Хотя и возражений против такого понимания Бом, как и К. Прибрам, не выдвигал. Так, в частности, голографическая природа импликативного мира, по Бому, здесь трактуется скорее как особое и расширенное понимание принципа фрактальности.

Однако, прежде всего, поясню соотношение понятий импликативного мира и психосферы. Они не тождественны. Психосфера — своего рода буферная зона, в которой распаковываемые паттерны импликативного мира обретают эмпирически воспринимаемые формы, то есть та «территория», на которой это распаковывание и происходит. Заглянуть в импликативный мир, минуя психосферу, невозможно в принципе. Но, преломляясь в психосфере, этот мир присутствует в каждой клеточке бытия и попадает в область психической рецепции в виде смутных, фрагментарных, большей частью неотрефлексированных ощущений.

Мир потенциальный, мир «тотальной когеренции» — это мир «нераспакованный», лишенный пространственно-временных координат. Мир каузальный — это мир «распакованных» в пространственно-временном континууме актов существования, ибо каузальность возможна лишь в среде пространственно-временных отношений. Интенциональность, направленная энергичность — универсальная форма медиации между мирами; интенциональная устремленность — это не что иное, как «дистанция» между потенциальным и актуальным бытием, промежуточное состояние между распакованным и нераспакованным существованием, характеристики которого, в конечном счете, определяют степень вероятности и формы актуализации в физическом мире того или иного свернутого пакета возможностей.

Итак, интенциональность понимается, как «реликтовая» сила притяжения между агентами когерентной связи, «помнящая» о холономной между ними слитности в атемпоральном мире и стремящаяся актуализовать эту связь вновь. «Вновь» — значит в мире, где существуют темпоральные различия, то есть холономная нелокальная связь оказывается спроецированной, «растянутой» в дискретно-линейные цепи каузальных зависимостей и процессуальных длительностей. При развертыва-

нии свернутого порядка актуальность холономной связи обращается в потенциальность, а потенциальность наличного, эмпирического бытия – наоборот, преобразуется в актуальное существование. Иными словами, процесс развертывания имплицативного порядка выражается, в частности, в том, что внутреннее разделение, расхождение холономных, если так можно выразиться, «объектов» порождает время, которое, «вклиниваясь» между агентами связи, порождает сукцессивную процессуальность как всеобщую возможность эмпирического (развернутого) бытия. (Рефлексия этого момента в философском сознании, в частности, легла в основу кантовского конструктивного априоризма.)

В своем эмпирическом измерении интенциональность – продукт противоборства каузального и когерентного начал, ситуационно-динамический паллиатив между ними. С одной стороны, интенциональность как «направленность на...» априорно имплицитно некое когерентное со-осуществление, но с другой – разводит компоненты когерентной связи по разные концы временного отрезка и тем самым вносит в со-осуществление момент (изначально внутренний) причинно-следственной обусловленности. А это, в свою очередь, открывает возможность замещения или изменения агентов когерентности. Таким образом, исходное «ядро» когерентной связки, его изначальная конфигурация, расслаивается на нелинейное множество вариантов осуществления, где, переводя на уплощенный язык «бытовой эпистемологии», содержание когерентной компоненты связывается с ответом на вопрос «что?», а каузальной – «как?». Впрочем, отделение этих вопросов друг от друга – сильная уступка аналитической привычке: в каждом акте бытия они нераздельны и диффузно слитны. Можно сказать, что изначальный пакет/паттерн по мере своего интенционально обусловленного «продвижения» к осуществлению, то есть «из глубины» встраиваясь в контекст конкретных обстоятельств эмпирического мира, расслаивается на множество вариантов своего воплощения. И расслоение это уже в определенном смысле принадлежит пространству психосферы; перестав быть чистой потенциальностью, эти варианты осуществления, не будучи еще опредмечены, уже существуют как психосферное явление и с той или иной мерой адекватности могут быть восприняты человеком.

Не следует, однако, представлять интенциональность в виде ниточек, механически связывающих инертные дискретные элементы. Сами эти элементы – суть ступки интенциональных энергий, «приторможенные» интерференционным эффектом и угодившие вследствие этого в каузально-темпоральные ловушки. (Физика пользуется здесь образом квантовых вихрей.) Впрочем, лишь благодаря этим ловушкам и открывается возможность образования каких-либо устойчивых во времени структур. Поэтому интенциональность действует не между элементами структур, а через и сквозь них. Ни один из элементов какой-либо структуры не существует сам по себе, вне многоуровневой системы интенциональных волн, пульсаций и резонирования, ибо он есть не более чем относительно устойчивый во времени фокус этих самых интенций. Онтологическое его отличие от «свободно» существующей интенциональной волны состоит в том, что он, будучи связанной, то есть воплощенной, формой пучка интенций, приобретает свойство относительно самостоятельного агента когерентных отношений. Он предстает таким узелком сущего, за который «цепляются» всепроникающие энергетические потоки и меняют в связи с этим энергичные характеристики своей интенциональности и как следствие этого – ее направленность. Поэтому, чем сложнее структура, тем больше вариативный разброс между

возможностями осуществления внутренних взаимодействий образующих ее элементов. Соответственно возрастает и количество вариантов потенциальных взаимодействий между структурой и внешней средой. (Вопрос о том, каким образом поле превращается в структуру, относится к числу наиболее сокровенных тайн Вселенной, и останавливаться на нем подробно сейчас нет возможности.)

Надеюсь, мне удалось убедить читателя, что обращение к согласованию современных квантовых и нейрофизиологических теорий не служит обоснованию примитивного панпсихизма натурфилософского толка. Впрочем, нельзя упускать из виду, что для человеческого сознания, которое само является продуктом разворачивания «скрытого порядка», исходная, «чистая» холономность импликативного мира эмпирически непостижима в принципе. Однако природа «свернутого порядка» по отношению к разворачивающимся во времени и пространстве феноменологическим модусам и обнаруживается в явлении всеобщей эмпатической связи, когда сознанию приоткрывается имманентность всего всему, взаимоприсутствие всего во всем и тотальная холистичность универсума. В этой формулировке читатель, несомненно, узнает набившие оскомину сентенции в духе бульварной мистики и полурелигиозных-полунаукообразных «откровений», преподносимых обывателю от имени эзотерических учений Востока и различного рода мудрецов в кавычках и даже без них, и т.п. Отмежеваться от всего этого одной фразой не удастся. Однако, не пускаясь в долгие объяснения, оговорюсь, что формулу «все во всем» в любом случае не следует понимать слишком буквально. Речь не идет о какой-либо актуальной форме присутствия (представленности) дискретных вещей друг в друге во всей полноте их единичных и конечных эмпирических свойств. Имеется в виду лишь их глубинное сродство на уровне, всеобщей пронизанности неразрывными и всепроникающими интенциональными потоками и излучениями и вовлеченность во всеохватные ритмические пульсации. Потому-то все конечное и единичное, частное и особенное и представляется из этих глубин не более чем пеной на поверхности сущего. В этой связи идеи бутстрапа Дж. Чу об отсутствии в мире чего-либо онтологически определенного, фундаментального, субстанциального уже не кажутся столь отвлеченными.

Вернемся к вопросу о природе репрезентируемого в психосфере когерентного мира и его, условно говоря, структурности. Условно, потому что никаких локальных структур, наподобие тех, что мы наблюдаем в эмпирическом мире, там нет и быть не может. В мире свернутого порядка нет ни структур, ни даже дискретных и устойчиво локализованных во времени и пространстве составляющих элементов, а есть лишь пакеты возможностей их актуализации (см. прим. 1). Каждая из условных единиц анализа этих пакетов, которой наше дискретно мыслящее сознание приписывает соответственно дискретные и локальные свойства, потенциально присутствует, как уже говорилось, не в одной, а в бесчисленном множестве потенциальных структурных образований. Поэтому, рассуждая в нашей привычной системе смысловых координат, можно говорить разве что о парадоксальном образом «отсутствующей структуре». (Совпадение с названием работы У. Эко чисто случайное.)

В связи с тем что импликативный мир, очевидно, не представляет собой чистую и однородную потенциальность, простая дихотомия «потенциальное — актуальное» оказывается явно недостаточной для описания взаимоотношений между мирами свернутого и развернутого порядков. Между чистой, абстрактной потенциальностью и актуальным бытием в эмпирическом мире простирается шкала состояний,

соответствующих различным уровням возможности осуществления. (Гетерогенность психосферы и есть отражение этой шкалы.) Будь это не так, разворачивание имплицативных пакетов в актах актуального бытия было бы хаотическим, и ни о каком порядке или эволюции вообще не могло идти речи. Однако эволюционное структурообразование вполне упорядочено: ни попятных движений, ни опережающих скачков через несколько ступеней не наблюдается. Стало быть если даже допустить, что в имплицативном мире имплицитно присутствуют ВСЕ потенциальные возможности эмпирического существования, то в любом случае их экспликация в нашем пространственно-временном континууме осуществляется в соответствии с некими законами. К тому же мир потенциальных осуществлений нельзя представлять в виде этакого склада ждущего своего часа заготовок. Каждая из них в собственном смысле рождается и становится актом бытия лишь в момент ее воплощения в нашем мире, но никак не до того: в конкретном мире нет темпоральных длительностей.

Концепции мира, где прошлое, настоящее и будущее находятся в свернутом, холономно-нераздельном состоянии, не являются чисто умозрительными. Они находят и экспериментальное подтверждение. Так, в работах Е.А. Козырева (см. прим. 2), исследования которого, по понятным причинам, недостаточно признаны и известны, приводятся экспериментальные данные наблюдений за физическими свойствами времени, полученные на основании исследования мгновенной передачи воздействия космического объекта на состояние вещества-датчика. Связывая полученные результаты с интерпретацией так называемой «геометрии Минковского», Козырев пишет: «Этот четырехмерный мир Минковского может представлять собой реальный мир, в котором живем мы, или может быть только абстрактным построением... С точки зрения реальности такого мира все, что может произойти, уже существует в будущем и продолжает существовать в прошлом. Перемещаясь по оси времени, мы только сталкиваемся с событиями в своем настоящем.

Но, как в таком случае, понимать неоднородность когерентного мира, в какой измерительной плоскости разворачивается шкала потенциальности? Разумеется, ответ может быть лишь гипотетическим.

Когда какая-либо из потенциальных возможностей осуществления получает свое воплощение, то сам этот акт — феномен, явление или даже просто эмпирически проявленная интенция определенного содержания — оказывает обратное воздействие на имплицативный мир, образуя в нем новый пакет потенциальных возможностей, сложным и непрямым образом соответствующий его (акта существования) интенциональным и онтологическим характеристикам. Причем набор потенциальных возможностей внутри пакета ограничен не чьей-то мистической волей, а спецификой этих самых эмпирически воплощенных онтологических характеристик. Любая данность в нашем мире способна жить и изменяться во времени в амплитуде возможностей, предопределенной имманентными характеристиками самой этой данности. В этом смысле, любой акт бытия, продлевающий свое существование во времени, «вызывает» из мира имплицативного порядка свои иновременные, следовательно, измененные состояния. В такой формулировке процесс предстает как дискретная последовательность состояний. Но это неверно. Таковым он рисуется лишь в силу ограниченных возможностей нашего языка, отражающего дискретность актов сознания и оперирующего дискретными единицами и сукцессивными отношениями. В процессе вызывания и распаковывания актов бытия из имплицативного

мира нет пауз и зазоров, нет «сначала» и «потом», нет «до» и «после». Интенционально-энергичный поток, образующий канал медиационной связи, протекает перманентно и параллельно в обоих направлениях. Поэтому то, что нами воспринимается как дискретные изменения с точки зрения медиационного диалога между мирами, осуществляется в континуальном режиме. А возможность возникновения нашего сознания и языка (как и всей культуры в целом с ее диалектикой дискретного и континуального) обусловлена не чем иным, как нарушением, частичной разбалансировкой прямых и обратных связей между мирами в ходе описанного выше вертикального эволюционного перехода.

Идея простого «вызывания» себя самого из импликативного мира в каждый момент времени, как таковая, вовсе не содержит возможности каких-либо изменений и вызывает в воображении образ замкнутого круга. Однако ни о какой статике, чреватой креационистскими в духе Августина выводами, здесь речи не идет. Можно говорить, по крайней мере, о двух видах изменений. Первый — экспликация актов существования, укладываемая по своим параметрам в базовые характеристики наличной «вызывающей» структуры. Так происходит становление форм на основе структурных схем: для живых организмов — онтогенез, для культурного сознания — инкультурация, а также набор потенциальных «заготовок» для изменений, связанных с существованием в физической среде (для человеческого сознания — также и в среде культурно-смысловой). Изменения здесь совершаются в рамках флуктуаций, колебаний вокруг относительно устойчивых конфигуративных схем, изменяющих исходную структуру, не затрагивая ее конфигуративного паттерна. Если поток флуктуационных изменений приобретает направленный характер, то в этом случае можно говорить о внутреннем или имманентном развитии (или, наоборот, о деградации) структуры. В целом, этот тип изменений — мир повторений — рутинный фундамент Вселенной. Это конгломерат систем с их многочисленными уровнями и подуровнями, от вращения планет и инстинктивного поведения живых организмов до традиционализма в культуре, который ведет диалог с импликативным миром по раз и навсегда установленным каналам и в относительно неизменных интенционально-энергичных режимах. К примеру, в человеческом организме соединяются несколько систем: неорганическая, биологическая и культурно-ментальная. Первые две ведут диалог с импликативным миром в рутинном режиме, практически незаметном для рефлектирующего сознания. Лишь последнее, будучи причастной к незавершенной и не вполне определившей до конца режимы своего диалога с импликативным миром системе культуры, способно этот диалог «проблематизировать».

Но есть и другой тип изменений. Интенциональное «обращение» к некоему сектору потенциальных осуществлений, соответствующих более «продвинутым» по линии ГЭВ характеристикам, можно понимать как движение на пути эволюционного развития. Это уже принципиально иной режим медиации между мирами. Любой эмпирически наличной структуре в импликативном мире соответствует специфический пакет потенциальных изменений: своего рода бесконечность вариаций, ограниченная конфигурацией структурного паттерна. То есть в своих самоизменениях структура не способна «вызвать» из импликативного мира такие свои трансформации, которые нарушали бы ее базовую конфигурацию. Такие варианты осуществления лежат за пределами соответствующего импликативного пакета, и возможность их реализации исчезающе мала. Но направленность процесса имманент-

ного развития способна так или иначе подвести структуру к границам ее паттерна и взломать исходную конфигурацию. Причины этого могут быть весьма разнообразны. Но в значительном числе случаев это происходит, когда имманентное развитие структуры вливается в глобальный эволюционный мейнстрим

Итак, модель инициирующей изменения медиации между мирами можно представить следующим образом. Между наличной эмпирической структурой (или отдельным актом существования) и соответствующим ему имплицативным пакетом существуют каналы стандартных интенционально-энергетических связей. Изменения структуры, не затрагивающие ее конфигуративной основы, осуществляются в рамках распаковывания потенциальных возможностей внутри исходного имплицативного пакета. То есть структура под действием внутренних автоморфических импульсов или в силу воздействия внешней среды «вызывает» и распаковывает из имплицативного пакета свои измененные во времени и пространстве состояния, оставаясь при этом сама собой. Этот тип изменений в своем развитии приводит к ветвлению подпакетов в пределах исходного имплицативного пакета. Но в случае когда потенциал изменений в рамках исходной конфигурации исчерпывается, происходит одно из двух: либо структура разрушается и гибнет, а ее материал «идет в распыл», либо происходит ее качественное конфигуративное преобразование и тогда каналы медиационной связи переориентируются уже на другие имплицативные пакеты. Вопрос о том, при каких условиях наступает предел «внутрипакетных» изменений, требует отдельного, более подробного разговора, который сейчас уведет нас слишком далеко от основной темы.

Таким образом, диалог с имплицативным миром являет в физическом мире два основных типа изменений: имманентные, когда пакеты потенциальных осуществлений по мере усложнения структуры, ветвясь на множество подпакетов, подводят (или не подводят) структуру к границам ее конфигуративного паттерна, и эволюционные, когда индуцируемые извне интенциональные «запросы» в имплицативный мир выходят за пределы исходной конфигурации и вызывают к существованию принципиально новый феномен. (Любого рода деструктивные и инволюционные изменения относятся, разумеется, к первому типу.)

Опять же оговорюсь, что, прибегая в разговоре о мире имплицативного порядка к таким словам, как «новый», «прежний» и т.п., я не забываю о том, что они (как и многие другие) не применимы к миру, где отсутствует пространственно-временное измерение. Речь здесь идет всего лишь о проекциях реалий имплицативного мира в наше сознание и выраженных доступными для нас языковыми средствами. Никаких новых в привычном для нас смысле пакетов, разумеется, не возникает. Но то, что в нашем мире выглядит как градация временной последовательности, в мире свернутого порядка предстает градацией шкалы потенциальности. Чем сильнее интенциональный призыв из нашего мира, тем выше потенциальность воплощения «призыва» в какой-либо его модификации. Причем инерционный «запрос» на устойчивое воспроизведение всегда выступает доминирующим фоном, сквозь который сравнительно слабо пробивается «голос», взыскующий качественных структурных изменений. Но, повторю, содержание изменений диктуется интенционально-онтологическим статусом «призывающего», и все, что выходит за его пределы, — всего лишь диалог слабых импульсов, едва уловимых в самых глубоких и удаленных от фронта экспликации слоях имплицативного мира. Говоря гегелевским языком, не все

сущее в когерентном мире является действительным. Потому и произвол человеческого мышления не способен вызвать к жизни плоды своих произвольных фантазий. Действительное намерение, даже будучи «адресовано» слабой потенциальности когерентного мира (в формулировке Бома, «тонким слоем импликативного порядка»), способно в той или иной форме эксплицировать соответствующий акт существования. Но произвольные фантазии адресуются к тому спектру «сущего» в импликативном порядке, вероятность экспликации которого в эмпирическом мире ничтожна до неразличимости. Именно этот механизм я имел в виду, говоря о степени ложности «ложных» мистических представлений (см. статью 2).

Микромир – область, где сопряжение когерентного (импликативного) и каузального (эмпирического) миров обнаруживает себя наиболее очевидным для человеческого восприятия образом, хотя очевидность эта, разумеется, весьма далека от очевидности обычного физического мира. А то, что события микромира оказываются зависимы от сознания (только ли сознания?) наблюдателя (участника эксперимента), свидетельствует о том, что любого рода феномены, связанные с означенным сопряжением, данные нам в опыте, – суть явления психосферы. Представления о едином квантовом состоянии как форме нелокальной связи, при всех своих сложностях и парадоксах, являются научно фундированными. Но когда, отталкиваясь от идеи единого квантового состояния, представления о нелокальных связях переносятся на другие системные уровни реальности, они, будучи лишены доказательной базы, неизменно теряют валидность, зачастую превращаясь в произвольные и необязательные рассуждения. В этой связи вновь возникает вопрос: не растворяется ли всеобщая эмпатическая связь в прогрессии отпадений? Не «загоняет» ли вектор усложнения и автономизации форм «реликтовую» холономность сущего на квантовый уровень, разрушая ее на уровнях более высоких? Ответ, опять же чисто постулативный, – нет. Бесчисленное количество косвенных данных указывает на то, что холономность – фундаментальный и неустрашимый ни при каких эволюционных обстоятельствах модус всего сущего. И фактор холономности диалектически оппонирует фактору автономизации и онтологического взаимообособления форм, структур и систем.

Есть основания предположить, что холономная связь «транслируется наверх», пронизывая структурные уровни реальности, обеспечивая присутствие импликативного мира и продуцируемую им когеренцию во всех срезах бытия. Проводником этой трансляции вступают интенциональные потоки, импульсы, волны, которые в виде ритмических регуляций служат незримой «несущей конструкцией» любого рода онтологий. И если, согласно квантовым представлениям, вещество, как уже отмечалось, предстает сгустком поля, фокусом интенциональных потоков, то всякая онтологическая данность, обратным образом, выступает не только фокусом, но и источником, генератором всепроникающих интенциональных излучений и импульсов. Эти интенциональные излучения и ритмически организованные импульсы есть своего рода «распыленная» онтология, нелокальная «эманация», посредством которой относительно автономный «сгусток» распространяет свое бытие за пределы своей определенности. В этом смысле, самость как таковая, в той или иной степени присутствующая всему сущему, обуславливается возможностью сгустков поля всякий раз на определенный лад изменять сфокусированные в нем интенциональные частоты и ритмы и затем испускать эти измененные волны вовне.

Феноменологические же проявления этих бесчисленных протянутых вовне интенциональных нитей и ритмических резонанций актуализуются лишь там, где они «вызываются» и вводятся в присутствие релевантными импульсами и интенциональными «призывами» из нашего «простого» физического мира. Таким образом, любая форма (структура, система) независимо от уровня сложности пребывает в двух модусах: условно говоря, концентрированном (онтологически о-пределенном) и «распыленном», не связанном пространственно-временной локализацией.

Другое дело, что сложные структуры несут в себе наложения (вложения) всех эволюционных уровней, снимая их в себе, прежде всего, посредством, интенционально-ритмической согласованности и «упаковки» более сложных образований в пространственно-временные кластеры образований более простых. И такая упакованность — тоже форма удержания всеобщей эмпатической связи. И хотя жизненные режимы нижних структурных этажей неизменно жестко детерминируют верхние, голоса их, посылающие свои запросы в когерентный мир, плохо различаются «сверху». Как уже говорилось, человеческому сознанию свойственно забывать о своей биологической основе и ее собственных отношениях с когерентным миром. А об уровнях добиологических — и подавно. Тем не менее сложные структуры (системы) на то и сложные, что способны улавливать проявления нижних эволюционных уровней, а в случае с культурой — отчасти их корректировать. Нетрудно заключить, что степень согласованности онтологических уровней обратно пропорциональна степени сложности и, соответственно, автономности системы. Вернее, сложность системы повышает вероятность такого рассогласования. В ином случае, холономный модус бытия не был бы для культурного сознания столь протеистичен. Впрочем, для более простых и наименее рефлексивных исторических форм сознания модус этот все еще выступает априорной и безусловной данностью.

Если наши рассуждения о том, что акты потенциального бытия актуализуются посредством их интенционального «вызывания» («вытягивания») из имплицативного мира, хотя бы отчасти верны, то на их основе можно построить гипотезу, предварительно объясняющую широкий круг явлений, не поддающихся убедительной интерпретации в рамках традиционных научных парадигм. Это, прежде всего, узкие места эволюционных теорий, не способных убедительно объяснить направленный характер изменчивости и полную неадекватность в этом вопросе теории вероятности и метода проб и ошибок в процессе эволюционного развития форм.

Так, эволюционный типологизм и пресловутое «отсутствие переходных форм», «мгновенность» формирования сложных органов и т.п. находят объяснение в скачковом характере переходов от одних имплицативных пакетов к другим. Ведь если интенциональный «запрос» из эмпирического мира не выходит за пределы дельты внутрипакетных изменений, то вариации возможных изменений всего лишь разворачивают неограниченное число имплицативных подпакетов в рамках основного пакета, и изменяющаяся структура сохраняет свою исходную конфигурацию. Но если запрос выходит за пределы означенной дельты, то он, стало быть, уже обращается к иному имплицативному пакету, коему в эмпирическом мире соответствует уже совершенно иная структурно-морфологическая конфигурация. Вот эта конфигурация и появляется как бы внезапно и без ожидаемых переходных форм. Но оговорюсь еще раз: имплицативный мир — это не склад предсуществующих заранее готовых форм. О существовании любого рода имплицативных пакетов и подпакетов мож-

но говорить лишь в сложном контексте интенционального диалога миров, между которыми в области онтологии нет иерархической субординации. Можно сказать, что качественные границы форм и структур в эмпирическом мире соответствуют границам между «кустами» импликативных пакетов. Но нельзя говорить, что первые — в простой линейной зависимости — детерминируются и определяются последними. Потенциальное ветвление импликативных пакетов настолько же зависит от событий эмпирического мира, насколько сами эти события есть результат их распаковки из импликативного мира. В мире поистине нет ничего фундаментального, есть лишь универсальная фундаментальность всеохватного и всепроникающего интенционального диалога. Удастся ли когда-нибудь прорваться к его тайнам, не впадая в редукционизм, грубый схематизм и антропоморфизм?

Коль скоро процесс распаковывания потенциальных актов существования из импликативного мира предстает довольно сложным процессом, то прояснение вопросов онтологии на бытовой лад с помощью простой дихотомии «существует — не существует», оказывается совершенно не адекватной. Психосферные явления являются собой шкалы промежуточных онтологических состояний — особых форм существования. Иными словами, распакованные из импликативного мира паттерны могут являть в психосфере разные уровни объективации. К примеру, вызванные силой коллективных представлений мифологические образы могут чувственно восприниматься и переживаться людьми с соответствующими ментальными настройками как совершенно реальные и совершенно не восприниматься другими людьми. (Этот вопрос уже затрагивался в статье 2.) В этой связи можно говорить о феномене локальной объективации психосферных феноменов. Самые слабые его проявления вызываются к жизни индивидуальной суггестией и индуцированными состояниями. Самые сильные граничат с физической объективацией и полноценным эмпирическим опредмечиванием того или иного импликативного паттерна. Не побоюсь предположить, что в ряде случаев эта граница преодолевается, и психосферное явление нелегитимным образом обретает физическое бытие.

Иными словами, между потенциальной реальностью и реальностью объективной (реальностью-для-всех) существует еще и промежуточная шкала онтологических состояний. То есть это вполне объективированная реальность, перцепция которой обусловлена, однако, определенными ментальными настройками и некоторыми другими обстоятельствами: внешние условия, смысловой контекст ситуации, общий «ландшафт» психической среды и пр. Когда речь идет о слабовыраженных психосферных феноменах, то достаточно всего лишь изначальной предубежденности, чтобы увидеть либо не увидеть его проявления. При этом у энтузиастов не хватает аргументов, чтобы доказать их очевидную объективность, а скептикам недостает оснований списать это все на субъективные фантазии.

Можно сказать, что образы коллективных и массовых мифов и представлений в буквальном смысле живут в психосфере, занимая промежуточное положение между потенциальным и наличным бытием, будучи в разных пропорциях причастны и тому, и другому. И чем сильнее выражены адресованные им интенционально-энергичные обращения из эмпирического мира, тем больше их онтологический статус смещается в сторону бытия наличного. При этом важно учитывать, что бытие психосферных феноменов, в сколь натуралистической форме они бы ни представляли в человеческой перцепции, не подчиняется эмпирическим пространственно-временным законам.

Помню, в детстве, впервые услышав о спиритизме, я тотчас же задал вопрос: а что делают призраки в свободное время, когда их не вызывают? Гуляют? Беседуют друг с другом? Чай пьют? На это мне, разумеется, ответили, что никаких призраков не существует.

Психосферные явления получают свое идеально-образное, локально-объективированное и даже в полной мере объективированное воплощение только в ситуации интенционального запроса (обращения), когда коллективная (реже, но исключительно сильная) индукция конденсирует, аккумулирует его специфическую интенциональную энергию из расплывленного в психосфере состояния. Интенциональный импульс, посланный из эмпирического мира, несет в себе субстрат той онтологии, которая вторичным образом распаковывается из имплицативного мира и, облекаясь в уже готовую, отчасти знакомую сознанию форму-матрицу, является ему в виде объективного феномена. Если эти рассуждения хотя бы отчасти верны, то вывод напрашивается сам собой: между субъективными идеальными представлениями и объективной физической реальностью лежит область субъективной реальности, где субъектом может выступать не только и даже не столько единичный субъект, сколько субъект коллективный и шире — культурно-исторический.

Эпистемология психосферы

Комплекс явлений, связанный с имплицативный миром и психосферой, требует особого языка описания. Попытки выработки такого языка многократно предпринимались в областях преимущественно ненаучных: религиозных, мистических, оккультных, паранаучных и т.п. Этот стихийно сложившийся на протяжении нескольких веков набор терминов отражает рыхлый, размытый конгломерат представлений: иногда взаимно противоречивых, иногда описывающих одни и те же явления в разных понятиях и терминах. Потому ни на одну из традиций описания интересующих нас явлений нельзя опереться напрямую, не говоря уже о том, что подавляющее большинство используемых понятий не имеет «законного» статуса в научном обиходе. Рискну, тем не менее, по возможности минимально обращаясь к одиозной паранаучной лексике, наметить эскиз концептуально связанного эпистемологического аппарата, способного хотя бы в первом приближении обрисовать контуры психосферных процессов и явлений.

Прежде всего это сама:

— психосферная медиация (ПМ). Сущность ее заключается в перманентно протекающем интенционально-энергетическом диалоге между мирами свернутого и развернутого порядков. Напомню, что интенциональность, предшествуя всякой онтологии, являет собой воплощенное становление, причем столь глубокого уровня, что снимает в себе даже столь глобальные различия, как различие когерентности и каузальности. То есть интенциональные импульсы, связывающие потенциальное и актуальное бытие, представляют обе эти модальности. Именно поэтому интенциональность — есть то, что причастно обоим мирам и что, в конечном счете, взаимно определяет их по отношению друг к другу, осуществляя между ними диалог-медиацию. Медиация протекает на всех уровнях реальности, но ПМ уместно называть лишь тот «сектор» диалога, который осуществляется в диапазоне человеческого восприятия и, несколько уже, — осмысления. Сталкиваясь, интерферируясь, смешиваясь и взаимодействуя, интенционально-энергетические потоки проходят через прини-

мающее устройство — человеческий мозг. Кодируясь и декодируясь в структурах человеческого мозга, интенционально-энергетические потоки воздействуют на конфигурации импликативных пакетов/подпакетов, включаются в неостановимое движение калейдоскопа потенциальных актов существования и меняют тем самым паутину когерентных связей. Поэтому доходящая до активного рефлексированного сознания часть конвертирующей работы ПМ — это всего лишь видимая часть айсберга — колоссального массива психосферных взаимодействий, подспудно определяющих не только сами психические процессы, но и формирующиеся на их основе ментальные структуры и, соответственно, культурные практики;

— энграмма — термин, приобретающий все более широкое и расплывчатое употребление. Квинтэссенция представлений об энграмме связана с идеей модификации мозговой ткани под действием как минимум личного опыта и в более широком гипотетическом смысле — опыта филогенетического, как на том настаивает ТП. Фиксация энграмм связывается с долговременной памятью, и именно в этом заключаются коррективы, вносимые в понимание природы энграмм представлениями о ПМ. Осмелюсь утверждать, что в мозге хранится не информация как таковая, закодированная в том или ином виде, а энграммы — следы путей, по которым двигалась психика в своих медиационных взаимодействиях с психосферой и «стоящим за ней» импликативным миром. Иными словами, память — это «тезаурус» резонансных режимов и электробиохимических ансамблевых настроек групп нейронов, связывающих психику с однажды «распакованным» импликативным паттерном. Будучи однажды распакован, то есть реализовавшись в наличном бытии, импликативный паттерн становится актом существования, который, будучи причастен эксплицитному (эмпирическому) миру, имеет пространственно-временные измерения. Исходный же имплицитный паттерн таковых не имеет и не подлежит психическому оконечиванию. Это значит, что акт воспоминания — это не извлечение «со склада» некоей готовой информации, а вторичное (или многократное) распаковывание импликативного паттерна на основе соответствующей интенциональной энграммы — траектории распаковки, которую, если уж следовать компьютерной лексике, можно сравнить с драйвером или запускающим файлом. Впрочем, и это сравнение хромает не меньше всякого другого. Интенциональная энграмма сама по себе искомой информации не содержит. Она лишь указывает путь к первоисточнику — импликативному паттерну и именно в таком качестве воздействует на нейронные группы с их биохимией и электродинамикой. В таком качестве она неким образом фиксируется и в структурах мозговой ткани. При этом отличие памяти от других психических режимов заключается в том, что она заведует путями, ведущими к уже однажды распакованным (реализовавшимся) паттернам и обеспечивает механизм их вторичной актуализации человеческим мозгом;

— психическая матрица — также термин с расплывчатым значением. Настолько расплывчатым, что здесь скорее можно говорить не о термине, а об образе, употребляемом главным образом в контекстах, близких к психологическому и, разумеется, оккультно-мистическому.

Онтологически психическая матрица сродни энграмме. Но если последняя представляет собой нечто относительно «формальное» — механизм фиксации интенционального канала, то психическая матрица скорее связана с самим содержанием медиационного акта и его проявления в психосфере. Можно сказать, что пси-

хическая матрица – это стандартная связка имплицативного пакета (с периферией подпакетов) потенциальных осуществлений с интенциональным каналом его экспликации в мире эмпирическом. Иными словами, психическая матрица – это незримый психический (интенционально-энергетический) дубликат любой целостной, эмпирически воспринимаемой «таковости» в неразрывности ее модусов: здесь, теперь и так. Феномен психической матрицы, таким образом, стоит у истоков психофизического дуализма.

Между явлениями эмпирического мира и соответствующими им психическими матрицами существует обратная связь. Повторение однотипных действий и психических актов формирует устойчивые психические матрицы (таким образом Юнг в поздних своих работах представлял себе рождение архетипов), что приводит к своеобразному удвоению мира – развитию его психического двойника, связь с которым осуществляется по каналам, условно говоря, «тонкого восприятия». Но и считывание уже существующих психических матриц – постоянный незримый, но невероятно многоопределяющий фон человеческого бытия.

Способность к считыванию психических матриц – общее условие для огромного числа явлений плохо объяснимых (или вовсе не объясняемых) рационалистической наукой. Здесь и способность людей с доминированием архаичных правополушарных когнитивных режимов безошибочно ориентироваться в пространстве и точно находить нужное место на огромных расстояниях без всяких специальных ориентиров. (В этом – несомненная аналогия хомингу у животных; см. прим. 3.) В этом же ряду, и любого рода эффекты прямого знания, о которых будет сказано ниже. Возможности человеческого мозга служить приемником запечатленных в психических матрицах таковостей (позволю себе употреблять этот не изящный неологизм без кавычек) объясняет широкий сектор т.н. паранормальных явлений, которые были кратко обозначены выше.

Среди них:

– способность спонтанно «подключаться» к психосферным образованиям, заключающим в себе исторически конкретные феномены культурного опыта. В этом ряду многочисленные случаи говорения и письма на незнакомых языках, «одержимость» творческой индивидуальностью давно умершего гения и т.п.;

– суггестия. В основе определения этого понятия неслучайно лежит идея когерентной взаимозависимости: изменение одного агента связи вызывает релевантное изменение другого. Из этой общей формулы выделяется сектор воздействий, в широком смысле охватываемый понятием внушения – понятием, в большинстве случаев совпадающим с суггестией.

Суггестивность способна породить, казалось бы, невероятные эффекты проявления экстраординарных возможностей или изменений на всех подсистемных уровнях человеческого организма (см. прим. 4). Наука обычно ищет объяснения этих явлений на пути прослеживания путей перекодирования психического в соматическое и обратно, то и дело сталкиваясь с необходимостью выхода за пределы «правил игры» и позволяя себе смелые допущения.

Для пояснения сущности суггестии в нашем контексте вернемся к вопросу о «тонком» восприятии. Согласно разработкам нейролога Т. Лири (см. прим. 5) и его последователя Р.А. Уилсона, среди семи (по Уилсону – восьми) программ, определяющих модель личности взрослого человека, лишь первые четыре напрямую свя-

заны с борьбой за существование и первичными задачами жизнеобеспечения. Программы же более высокого и более архаичного порядка, связанные с частично подавленной в логоцентрическую эпоху активностью правого полушария, отмечают соответствующие ступени эволюции. Это:

1) программа овладения собственным телом и превращения последнего в источник гедонистического наслаждения;

2) программа освобождения от оков тела и достижения состояния экстаза, основанного на погружении в процесс информационного обмена нейрологическими сигналами, и

3) достижение сознанием уровня нейрона, когда благодаря информационному диалогу с внутриядерным кодом ДНК, идет процесс чтения генетической информации. Через него и оказывается возможным, в частности, различного рода визионерский опыт, переживание «прошлых жизней» и т.п., а в нашей терминологии – вхождение в интенционально-энергетические каналы ПМ.

Р.А. Уилсон, добавив к семи программам Т. Лири восьмую – метафизиологическую, по сути, описал их характеристики аналогичным образом. Помимо исследования нейрофизиологических основ эмоциональных режимов и разделения их уровней, в разработках указанных авторов красной нитью проходит образ целостной, единой с привкусом пантеизма, холистической, единотелесной реальности как «конечного пункта» того порыва, который в нашей системе понятий определяется как универсальная интегративная интенция.

К понятию суггестии примыкают понятия индукции и автоиндукции. С точки зрения ПМ, эффект этих воздействий представляет собой разновидность суггестии. Разница лишь в том, что случае индукция (автоиндукция) – это такой тип ПМ, при котором внешнее психическое воздействие носит направленный характер. При этом автоиндукция в полном смысле слова возможна лишь на той стадии развития сознания, когда оно становится не «однослойным» и приобретает способность к полноценному внутреннему диалогу, что стало возможным, по-видимому, не ранее I тыс. до н.э. До этого времени любые индуктивные воздействия носили в той или иной степени внешний, «наведенный» характер;

– эгрегор – термин известный, главным образом, из оккультной и мистической традиции, апологеты которой немало потрудились над тем, чтобы накрепко связать это слово с паранаукой. Однако, несмотря на брезгливые ухмылки и отторжение, которые этот термин вызывает в академической среде, я все же вынужден его употреблять за неимением корректного научного эквивалента. К тому же если экзистенциалисты и психоаналитики не смущаются употреблять «ненаучный» термин «душа», то почему бы культурологу не использовать термин «эгрегор»? И если академическая наука в силу своей инертности и снобизма не желает принимать это понятие, то следует хотя бы озаботиться нахождением его терминологического аналога

Эгрегор сродни психической матрице и представляет собой концентрацию (сгусток) интенционально-энергетических потоков, соответствующих определенным и взаиморелеватным по тем или иным качествам реалиям эмпирического мира. Таковы могут выступать определенного характера идеи, умонастроения, эмоции, представления и т.п. Оккультно-мистические традиции нередко напрямую привязывают эгрегоры к тем или иным отдельным вещам или знаковым конструктам, репрезентирующим ту или иную духовную сущность. Но, даже если признать, что между

дискретными интенционально-энергетическими потенциалами психосферы и их эмпирическими коррелятами существует действительная и объективная связь, то есть что вещи действительно могут быть носителями неких особых интенционально-энергетических потенциалов, то связь эту, в любом случае, не стоит преувеличивать. Важно и то, что эгрегор — это всегда конденсат не индивидуальной, а коллективной психической среды. В нем сливаются и отчасти нивелируются индивидуальные психоинтенциональные различия отдельных индивидуумов. И хотя, применяя к психосферным феноменам количественные определения, следует помнить об их условности, здесь можно сказать, что эгрегор — это крупное психосферное образование, обладающее в отличие от просто психической матрицы культурно значимым потенциалом.

Эгрегор — своего рода резервуар, из которого соответствующим образом настроенная психика черпает психическую энергию. Последняя же конвертируется и в энергию витальную, энергию культурной деятельности. В свою очередь, определенного рода интенционально-энергетические импульсы и потоки, исходящие от отдельных индивидуумов, подпитывают эгрегор, продлевая его жизнь в психосфере. Старение, «схлопывание» эгрегоров вызывается не только ослаблением «подпитки» из эмпирического мира, но и внутренней эрозией: прежде всего, размыванием границ и «истечением» энергии в иные психосферные образования. Впрочем, и здесь все зависит от взаимосвязей с эмпирическим миром и процессов протекания ПМ. Но в данном случае участниками диалога со стороны эмпирического мира выступают большие социально-культурные группы людей, объединенные некоторыми общими ментальными настройками или идеями, умонастроениями и вообще любого рода аккумулярованными коллективными представлениями.

Помимо названных для описания психосферных явлений используются и другие определения: гештальт (помимо общепринятого еще и в значении перцептивно-коррелята психической матрицы в режиме ПМ), паттерн, психическая среда, интенциональное поле, психический субстрат и ряд других.

Примечания

1. Для квантовой физики давно стало общим местом, что «вакуум кишит неродившимися виртуальными частицами». Мигдал Б.А. Физика и философия // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 22.
2. Козырев Н.А., Насонов В.В. О некоторых свойствах времени, обнаруженных астрономическими наблюдениями: Проявление космических факторов на Земле и звездах. М.; Л., 1980. С. 89.
3. Хайнд Р. Поведение животных. Синтез этологии и сравнительной психологии. М., 1975; Плюснин Ю.М. Проблема биосоциальной эволюции. Новосибирск, 1990.
4. В историческом ряду суггестивные способности наращиваются по мере приближения к архаическому типу сознания. «Можно сказать с абсолютной уверенностью, что туземец умрет от самой поверхностной раны, если только будет верить, что поранившее его оружие было “заговорено” и, следовательно, пропитано... злыми чарами». Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. С. 218.
5. Следует оговориться, что научная авторитетность Т. Лири и корректность его опытов нередко ставится под сомнение.